

«Так что же это такое — сила богини снов? На чём вообще держится господство бога снов над сновидениями?»

После того как Линь услышал от бывшего директора Листчеса, что «Раковина» — это труп богини снов, он начал задумываться об этом.

До переселения он читал классические мифы и веб-новеллы, так что знал привычные названия подобных понятий — божественная сущность, божественная должность, власть, область... Прямо как в истории этого мира Шесть Столпов и тёмные боги владели своими сферами. Всё это — невидимые, неосязаемые концепции.

«Но как подобное можно удержать? Как подобное можно получить?»

Он даже не понимал, каким образом верховный инквизитор сумел разорвать связь Девы Серебряной Луны с силой сна.

«У него что, есть что-то типа тех самых "Мистических глаз смерти", способных убить бога?»

Линь понял, насколько узким было его собственное восприятие.

Казалось, он обладал необычными способностями, но его взгляд на мир всё ещё оставался взглядом обычного человека — лишённого силы.

«Однако... так ли это на самом деле?»

Разве он не видел и не касался того, чего видеть и касаться было нельзя?

Страх Кристабель Померан являлся всего лишь эмоцией, но ведь он сумел вырвать его из её души, запечатать — и с тех пор Кристабель больше не чувствовала собственного страха.

«Вот оно что».

Когда ты смотришь в глаза своему отражению, ты не можешь скрыть от себя собственное сердце.

Зеркало — это дорога к душе. А душа всегда связана с миром снов.

— Давайте же, повелительница, — сказал Линь, глядя на останки Мелодии Раковины. — Откройте передо мной свою боль.

Власть сна скрывалась в боли Мелодии Раковины. Она выбрала смерть из-за боли. Она выбрала

сон из-за боли. Она выбрала больше никогда не просыпаться — из-за боли.

Девятьсот с лишним лет назад Дева Серебряной Луны напала на Мелодию Раковины. После жестокой схватки богиня снов бежала.

Но Дева Серебряной Луны, повелительница желаний, несомненно, сделала что-то, чтобы ослабить её волю к жизни.

Падение инстинкта самосохранения ещё не означало, что бог пожелал смерти.

Однако боль в сердце Мелодии Раковины была невыносима, и Дева лишь добавила к этой боли лёгкое пёрышко.

И потому, даже умерев, она всё ещё плакала. Её слёзы наполнили этот сон солёным, горьким морем.

Как виновница её самоубийства, Дева Серебряной Луны прекрасно понимала происхождение данного моря. Она пила эти слёзы, добровольно принимая на себя страдания Мелодии Раковины, чтобы установить связь с остаточной силой богини снов.

«Но такой путь слишком запутан, не так ли?»

Линь мог действовать куда прямее.

В отражении, превратившись в скелет, он протянул руку к настоящим останкам Мелодии Раковины и коснулся её глазниц.

Мириады зеркал развернулись. Мириады скелетов Мелодии Раковины отразились в них — все плакали: кто от скорби, кто от бессилия, кто от гнева, кто от вины, а кто от отчаяния.

Их рты, полные кораллов и анемонов, шевелились, произнося в унисон:

— Я не хочу больше видеть этого!

— Почему я не спасла их?!

— Как ты посмела?! Сгинь в кошмаре!

— Все страдают... Могу ли я хоть что-то сделать?

— Почему?

— Почему всё так вышло?

— Я не хотела этого... Почему...

— Осквернение?..

— ...

— ...Прости.

— Это всё...

Кораллы и анемоны осыпались с костей. Гниль исчезла, и белые, крепкие кости вновь обрели жизнь — плоть и кожа вернулись. Глазницы, к которым он прикоснулся, стали мягкими и тёплыми.

У Мелодии Раковины оказались глаза цвета морской лазури, и сейчас они были полны слёз.

Когда Линь стёр с них горячие капли, она — серебряноволосая, смуглая русалка — крепко обняла его.

— Это всё... — рыдала она. — Всё из-за меня...

Линь ничего не сказал. Он просто обнял в ответ, поддерживая её тело.

Прошло немало времени, прежде чем Мелодия Раковины снова пошевелилась.

Она приподнялась и, как ранее он дотронулся до её глазниц, протянула руку к его левому глазу.

В этот миг интуиция подсказала Линю обратить внимание на внешний мир.

На самом деле, с того момента, как Око Зазеркалья возник в парящей водной глади, снаружи прошло менее секунды.

И за эту секунду проекция Девы Серебряной Луны уже успела всё понять.

— Ах, — её улыбка чуть расширилась. — Откуда взялся этот милый малыш?

С этими словами подвластная ей морская вода, висевшая в воздухе, вдруг разлетелась во все стороны.

Огромное зеркало разбилось, Око Зазеркалья раскололся вместе с ним. На мир сна обрушился солёный дождь. А серебряная луна всё ещё сияла в вышине, заливая светом каждую каплю.

Миллиарды лучей луны скользнули по миллиардам капель, сталкиваясь с миллиардами крошечных отражений — с миллиардами осколков Ока Зазеркалья.

Это было прямое столкновение сил. Дева Серебряной Луны не верила, что это жалкое семя, отражённое в зеркале, сможет победить её.

— Не ожидала, что в этом веке появится новый бог, — радостно сказала Она. — Посмотри на себя: жалкий, слабый росток. Ах, ты ведь даже не пророс, да? — её прежнее вожеление к Фельдграу обернулось голодом к Линю. — Как ты посмел показаться передо мной? При столь совершенном слиянии наших сил... ты, наверное, сам хочешь подарить себя мне? Чтобы я сегодня устроила настоящий пир? Какой милый, какой...

Речь Девы Серебряной Луны оборвалась на полуслове.

Луч лунного света, обрушившийся на неизвестного нового бога, вцепился лишь в пустоту.

Новорожденный бог с серебряными глазами был там, прямо перед ней — и всё же она не могла его достать.

Более того, промахнувшись, она позволила новому богу кое-чему научиться.

До сих пор Линь никогда не пытался отразить себя сразу в бесчисленных зеркалах. Теперь он с удивлением рассматривал окружавшее пространство.

Мириады Оков Зазеркалья повторяли его движения. Впервые он по-настоящему увидел того, кого описывала Кристabelle — того, кого она называла молодым мужчиной с зеркальными серебряными глазами.

Да, это был он. Та же одежда, что и на нём самом, всё ещё стоявшем в углу зала Большого запечатающего ритуала. Разве что теперь без повязки на глазах, с мертвенно-бледным лицом человека, не спавшего неделю.

Только глаза... серебряные глаза казались чужими.

Так как левый глаз болел, он пока не успел нанести на него новый ритуальный круг. Но с правого глаза круг тоже исчез. Почему?

Линь обдумал это, но не нашёл объяснения — и в этот миг он увидел, как лунный свет, скользя между дождевыми каплями, вновь ринулся к нему.

Свет прошёл сквозь него, словно сквозь воздух.

От неожиданности Линь удивился не меньше самой Девы Серебряной Луны.

Если бы он раньше знал, что она, как и Фельдграу, не может его коснуться — то не колебался бы так долго!

«Эх! Надо было сразу прыгнуть ей прямо в лицо и подразнить! Хотя, кажется, ещё не поздно...»

В нём зашевелилось озорное желание.

Пользуясь светом луны, переплетающимся с дождём, он наконец понял, почему никто не мог его атаковать.

Прошлой ночью верховный инквизитор поразил лёд, из которого была создана зеркальная поверхность, — но Око Зазеркалья, хоть и мог перемещаться между зеркалами, не принадлежал им. Когда зеркало разрушалось, Линь оставался цел.

Теперь же лунный свет скользил по поверхности, отражался, преломлялся — но сам Линь находился за зеркалом.

Он осознал, что стоит не на поверхности отражения, а за ней, в том самом неведомом мраке, где даже он сам не мог определить своё местоположение.

— Разные измерения... — пробормотал Линь.

— Да, — отозвалась Мелодия Раковины. — Сон и душа связаны с материальным миром, но не принадлежат ему.

Понимая, что ему ничто не грозит, Линь вновь посмотрел на неё.

Сереброволосая, смуглая русалка с золотой раковиной в волосах и знакомой морской раковиной на груди — её синие, как море, глаза уже высохли и теперь смотрели прямо на него.

Казалось, Мелодия Раковины пробудилась от боли и смерти; хотя, вероятно, осталась лишь

слабым отблеском самой себя.

Она нежно провела пальцами по его ноющему левому глазу и тихо сказала:

— Дитя моё, ты желаешь моей боли. Но знай: боль — вечная тема сновидений. Кошмары причиняют боль. Прекрасные сны — ещё больнее, когда пробуждение разбивает их о реальность. В беспорядочных сновидениях прячутся раны, полученные днём. Даже самый счастливый человек плачет во сне. То, с чем они не хотят сталкиваться наяву — сожаления, потери, — однажды приходит к ним во сне. И это приносит им новую боль. Ты всё это понимаешь — и всё же хочешь принять?

— Конечно, — ответил Линь. — В конце концов, сон остаётся сном. Людям ведь всё равно приходится просыпаться, верно?

Мелодия Раковины улыбнулась, но по её лицу снова скользнули слёзы.

— Да, верно... — прошептала она. — Прости... я просто больше не могу проснуться.

— Ты ни в чём не виновата, — мягко ответил Линь.

Мелодия покачала головой. Ещё раз — отрицательно. Потом вновь коснулась его левого глаза и спросила:

— Всё ещё болит?

— Конечно, болит... Но уже не так сильно.

Она тихо кивнула, её улыбка исчезла. Несколько секунд она пристально смотрела на него, а потом внезапно её пальцы вонзились в его левый глаз; прошли сквозь прохладную, мягкую ткань, нащупали что-то внутри — и медленно вытянули наружу.

По идее, это должно было быть ужасно больно, но Линь ощутил лишь знакомое оцепенение — как во время ритуала жертвоприношения.

— Вот как, — сказала Мелодия, показывая ему то, что вынула. — Ты взрастил свою боль и превратил её в жемчужину.

Линь, запоздало осознав происходящее, зажал левый глаз рукой, ошеломлённо глядя на предмет в её ладони.

Это была розовая жемчужина, почти равная по размеру глазу. Её гладкая поверхность

переливалась, а внутри мерцали шёлковые нити — словно радужка, снятая с предельной близости.

Боль в левом глазу исчезла.

Мелодия Раковины вложила жемчужину в его ладонь, накрыла его руку своей и сжала.

— Осторожнее с осквернением, — сказала она. — Не стань такой, как я. И Моисей... он...

Она не успела договорить.

Когда она передала Линю розовую жемчужину — символ власти над сновидениями, — её тело начало стремительно гнить. Плоть отпадала кусками, и уже через несколько секунд остались лишь кости.

Её челюсти раскрылись в последней, беззвучной попытке что-то сказать — и раскололись.

Тем временем, в мире сна солёный ливень рухнул с неба, заполняя высохшее морское дно. Вместе с пением Моисея Гуппи останки Мелодии Раковины, ещё удерживавшиеся целыми, начали покрываться тонкими трещинами под миллиардами ударов дождевых капель.

Но на этот раз кости не кричали, не плакали. Они лишь молчали, позволяя трещинам расширяться, пока не рассыпались в пыль под волнами.

Дева Серебряной Луны осознала, что упустила последние остатки силы богини снов.

В ярости она попыталась вновь поднять всю морскую гладь. Пока она не поймает этого нового бога — не успокоится.

И вдруг...

На морском дне, в раковинах, качающихся в волнах, вспыхнули огоньки.

Это был свет жемчуга.

Когда Линь принял власть снов, в раковинах зародились жемчужины — бесчисленные, ослепительные. Их сияние пронзило раковины, пробилось сквозь мутную, взбаламученную воду!

Море засияло.

Священное море отразило свою голубую флуоресценцию в небе, вытесняя ржаво-красную муть хаоса.

И серебряная луна — на фоне этого света — поблекла.

<http://bllate.org/book/12612/1119993>